

Б. Л. ФОНКИЧ

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЧЕРКОВ ПИСЦОВ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ И ДОКУМЕНТОВ

Отождествление по почерку писцов греческих рукописных книг уже давно стало одним из важнейших методов работы кодикологов, изучающих манускрипты IX—XVIII вв.¹ Оно позволяет преодолевать скудость сведений сравнительно немногочисленных колофонов греческих кодексов и получать необходимые для «оживления» рукописей данные относительно их датировки и локализации. Оставляя в стороне вопрос о методике отождествления, о трудностях, подчас серьезных, как самой идентификации книжных почерков, так и убедительного для других специалистов изложения ее хода и результатов², мы хотим подчеркнуть лишь необыкновенную результативность, эффективность этого метода исследования рукописей.

Как правило, определение имени писца путем почерковедческого анализа происходит в итоге сопоставления почерков *книг*. Нам представляется, что возможности такого рода работы могут быть значительно расширены за счет привлечения для исследования почерков греческих *документов*. Идея эта не нова: как кодикологи при решении вопросов о происхождении рукописей прибегают иногда к сравнению их почерков с почерками

¹ Работа по идентификации книжных почерков систематически ведется пока только на материале греческих минускульных рукописей; это не значит, однако, что и унциальные рукописи, несмотря на относительно малое количество дошедших до нас образцов унциала и осложняющую исследование специфику унциала как книжного письма по сравнению с минускулом, не могут быть привлечены для такого анализа. См., например: *Milne H. J. M. and Skeat T. C. Scribes and correctors of the Codex Sinaiticus*. London, 1938. В славяно-русской палеографии известны примеры почерковедческого исследования рукописей, переписанных однотипным византийскому унциалу кирилловским уставом. См. *Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина, ч. III, дополнительная*. — «Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 30. М., 1968, с. 150. См. также статьи М. В. Щепкиной, Н. Н. Розова и Л. П. Жуковской в кн.: *Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй*. М., 1974.

² Из исследований, в которых обсуждаются вопросы методики отождествления писцов по почерку и доказательства идентификации, назовем лишь следующие: *Canart P. Les manuscrits copiés par Emmanuel Provataris (1546—1570). Essai d'étude codicologique*. — «Mélanges Eugène Tisserant», vol. VI («Studi e Testi», 236). Biblioteca Vaticana, 1964; *idem*. Identification et différenciation de mains à l'époque de la Renaissance. — «Colloque de Paléographie grecque et byzantine. Paris, 21—25 octobre 1974». Paris, 1977; см. также: *Kresten O. Statistische Methoden der Kodikologie bei der Datierung von griechischen Handschriften der Spätrenaissance*. — «Römische Historische Mitteilungen», 14. Heft, 1972, S. 23—63. Необходимо также учесть посвященные указанным вопросам работы Н. В. Синецкой, которые основаны на анализе русских рукописей XV—XVI вв. См. *Синецкая Н. В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности*. — В кн.: *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР*. М., 1974, с. 89—113; *она же*. Максим Грек в России. М., 1977, с. 12—43.

документов³, так в свою очередь и дипломатисты, датируя некоторые документы, опираются на палеографические приметы рукописных книг⁴. Однако такие сопоставления делаются лишь от случая к случаю — изучению почерков книг и документов как единой стихии, по-видимому, препятствует давно сложившееся деление наук, исследующих рукописный материал, на кодикологию и дипломатику. Между тем работа по идентификации книгописцев по почерку требует не эпизодического, а *систематического* привлечения для анализа документального материала.

На первый взгляд, такое требование может показаться чрезмерным: достаточно даже небольшого знакомства с письмом средневековых греческих книг и документов, чтобы констатировать разнохарактерность, разностильность книжных и документальных почерков, а отсюда прийти к заключению о невозможности систематического сравнения этих двух почерковых массивов. Такой вывод, однако, был бы ошибочным. Изучение почерков греческих документов IX—XVIII вв. приводит к наблюдению, что лишь сравнительно небольшое число документов канцелярии византийских императоров писано особым, «дипломатическим» письмом, созданным, несомненно, в недрах этой канцелярии и просуществовавшим в разных вариантах несколько столетий⁵. Почерки же основной массы документов, принадлежащие нотариам как императорской канцелярии (начиная примерно с конца XII в.), так и канцелярий четырех восточных патриархатов, а также многочисленных провинциальных учреждений и епархий византийского и послевизантийского периодов истории Греции, практически ничем не отличаются от современных им книжных почерков. Это наблюдение подтверждается как сведениями колофонов греческих рукописей о том, что нотариис занимались и книгописанием⁶, так и уже установленными фактами принадлежности руке одного и того же писца и книг, и документов.

Сопоставительное изучение почерков греческих рукописей и документов приводит к результатам, одинаково важным как для исследования судьбы книг, так и для выяснения жизни документов. Причина этого кроется в характере сведений, которые заключают в себе два названных вида материалов: первые могут сообщить имя переписчика и заказчика, дату и место написания, вторые в подавляющем своем большинстве имеют точную дату и либо содержат прямые указания на место издания, либо могут быть локализованы иным путем. Для уяснения возможностей сравнительного исследования почерков греческих рукописных книг и документов обратимся к конкретным примерам.

1. *Идентификация почерка писца рукописной книги, не имеющей колофона, и писца документа.*

1. Список Notitiaе episcopatuum ГПБ, греч. № 716, являющийся фрагментом большой рукописи и состоящий сейчас из 6 лл., благодаря отождествлению его писца с писцом грамот 1579 г. Константинопольского патриарха Иеремии II, может быть не только отнесен ко второй половине XVI в. (до 1589 г.), но и локализован: он создан в канцелярии вселенского патриарха⁷.

³ См., например: *Wilson N. Mediaeval Greek Bookhands. Examples selected from Greek Manuscripts in Oxford Libraries. Cambridge, Massachusetts, 1973, Text, p. 25; idem. Three Byzantine Scribes. III. The Autographs of Eustathius. — GRBS, vol. 14, 1973, N 2, p. 228.*

⁴ См., например: *Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, палеографическое описание документов.*

⁵ О почерках документов канцелярии византийских императоров см. *Dölger F. und Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt. Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 31—34.*

⁶ См. *Vogel M. und Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 28—29, 43, 54—56, 59, 77, 100—101, 113, 131, 133, 140.*

⁷ См. наши «Заметки о греческих рукописях советских хранилищ». — ВВ, 36, 1975, с. 135.

2. Рукописный сборник БАН, Q № 14 был переписан несколькими писцами. Почерки двух из них отождествляются с почерками писцов Константинопольских патриархов Митрофана III и Иеремии II, что дает возможность датировать рукопись последней четвертью XVI в. и причислить ее к книгам, возникшим в среде константинопольских патриарших писцов. Более того, привлеченные для анализа документы позволяют утверждать, что один из этих писцов в июле 1588 г. приезжал в свите Иеремии II в Москву, в январе 1589 г. принимал участие в поставлении первого русского патриарха и в мае того же года покинул Россию⁸.

3. Ленинградский список Хроники Михаила Глики (БАН, Q № 7) переписан той же рукой, что и лл. 1—8 об., 45 об.—126 хранящейся в Киеве рукописи ЦНБАН УССР, Да 411. Этот почерк, а также почерк работавшего одновременно с первым второго писца (лл. 9—45) киевской рукописи (этот последний — особенно), чрезвычайно близки к почерку грамоты Константинопольского патриарха Иеремии II Львовскому братству от 17 мая 1591 г. (ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 144). Эти сопоставления делают возможным отнесение ленинградского и киевского манускриптов к числу рукописей, вышедших из круга писцов канцелярии вселенского патриарха на рубеже XVI—XVII вв.⁹

4. Писец бухарестского списка 1644 г. «Введения в логику» Феофила Коридалева (Библиотека Академии наук Румынии, № 626/562) легко идентифицируется по почерку с писцом грамот Константинопольских патриархов, написанных между 1626—1668 гг. Таким образом, бухарестский список появился в Константинополе; можно предположить, что его писец был одним из учеников Феофила Коридалева, который в 1625—1628 и 1636—1640 гг. возглавлял Патриаршую академию¹⁰.

5. В 1692 г. в Москву был доставлен огромный свод антилатинских полемических сочинений — ГИМ, № 250. Если редакторская правка его текста и ряд заметок на полях приписываются Иерусалимскому патриарху Досифею и его помощнику архимандриту Хрисанфу на основании сравнения с такого же рода материалами в других рукописных книгах, то локализация рукописи, установление места ее создания проведено путем отождествления почерков трех ее писцов с почерками грамот Досифея 1689—1693 гг.¹¹

Таким образом, сопоставительный почерковедческий анализ греческих книг и документов позволяет не только уточнить датировку рукописи (это особенно существенно для рукописей пергаменных и тех манускриптов на бумаге, определение даты которых по филиграммам оказывается по разным причинам невозможным), но и установить место ее появления на свет, среду, в которой она была создана, а иногда даже получить дополнительные данные для биографии переписчиков книг и документов. При этом возможность с помощью документов локализовать кодексы представляется наиболее привлекательной, так как локальные признаки письма подавляющего большинства греческих рукописных книг далеко не всегда могут быть выявлены путем палеографического анализа одних лишь рукописей — либо в силу того, что эти признаки слабо выражены или вовсе отсутствуют в книжном письме определенных областей в тот или иной период, либо потому, что они еще не изучены и не могут быть использованы в практической работе с манускриптами.

Приведенные выше примеры содержат наблюдения только над почерками послевизантийского периода, и это можно объяснить как причиной

⁸ См. наши рецензии на книгу М. Мануссакаса (ВВ, 36, 1975, с. 195, 197) и на каталог греческих рукописей БАН И. Н. Лебедевой (ВВ, 38, 1977, с. 219).

⁹ Доказательство приводимых здесь идентификаций мы надеемся опубликовать в ближайшее время.

¹⁰ Фонкич Б. Л. О писце рукописи 1644 г., содержащей «Введение в логику» Феофила Коридалева. — RESEE, XII, 1974, № 3, p. 402.

¹¹ См. нашу работу «Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве». — ВВ, XXIX, 1969, с. 280—281.

объективной — значительно лучшей сохранностью рукописей и документов второй половины XV—XVIII в. по сравнению с материалами времени существования Византийской империи, — так и причиной «субъективной» — наличием в советских хранилищах исключительно богатых фондов греческих документов XVI—XVIII вв. Однако это не означает, что подобного рода работу нельзя проводить с памятниками более раннего времени. Нам представляется, например, вполне реальным определение в будущем кодексов, переписанных Афанасием Афонским и Евфимием Ивиром, — основой идентификации должны послужить имеющиеся в документах их подписи¹². Этот материал, быть может, не столь значителен, как того хотелось бы для получения бесспорного вывода, но, исследованный в совокупности с другими фактами, касающимися соответствующих рукописных книг, он может привести к важным находкам.

II. *Сопоставление почерков известных нам книгописцев с почерками переписчиков документов* позволяет определить либо имя писца, либо происхождение документа.

Мы почти не знаем имен переписчиков дошедших до нас греческих документов — в редчайших случаях имя писца может быть указано в самом документе¹³, иногда оно выявляется по почерку при сличении письма самого документа и находящихся в нем подписей¹⁴. Отождествление документальных и книжных почерков — еще один, быть может, наиболее продуктивный, способ определения имен нотариев. В качестве примера укажем на почерк иерусалимского кодекса *Παναγίου Τάφου* 524, переписанного архидиаконом Александрии Максимом: той же рукой писан текст четырех грамот Мелетия Пигаса¹⁵.

Сопоставительное изучение почерков писцов греческих книг и документов как прием палеографического и кодикологического исследования требует еще большей осторожности почерковедческого анализа, чем сравнение только книжных или только документальных почерков: к обычным трудностям идентификационной работы здесь добавляется разнохарактерность копируемого материала, которая может послужить причиной некоторой вариантности почерка (изменение темпа письма, наклона, даже отдельных соединений и элементов букв, увеличение или уменьшение количества сокращений и т. п.), а следовательно, и повлиять на восприятие этого почерка исследователем. Однако описанный прием значительно расширяет возможности изучения греческих рукописных книг и документов и может дать интересные результаты.

¹² О возможности определения книг, переписанных Афанасием Афонским, говорит Д. Папахрисанфу. См. *Papachryssanthou D. Actes du Prôtaton*. Paris, 1975, p. 74. О почерке Евфимия см. *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения. — ВВ, 34, 1973, с. 53.

¹³ См., например: *Μαγούσακας Μ.* Ἀνέκδοτα πατριαρχικὰ γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετία μητροπόλιτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν ὀρθόδοξον ἐλληνικὴν Ἀδελφότητα. Βενετία, 1968, πλν. 8.

¹⁴ *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Указ. соч., с. 36; *Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты советских хранилищ. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 251.

¹⁵ См. нашу рецензию на книгу М. Мануссакаса (ВВ, 36, 1975, с. 197).